

Поэзия

Римма Дышаленкова

Уральские дали – просторы,
и воздух слоист, как слюда,
заводы, заводы – как горы,
у гор огневых – горюда.

И звоны литого металла
на краях любого двора.
Ураля
веками живут мастера.

Они укроённое пламя
привыкли держать под рукой.
У них самоцветные камни
порой отнимают покой.

И чем минерал ни упорней,
ценней, не лежит на виду, –
тем радостней и чудотворней
творят мастера красоту.

Такой человек не обидит,
он слышком силён для обид.
Он с первого взгляда увидит,
что встречное сердце ташит.

ЖАР-ПТИЦЫ

Что со мною случится?
Надо мною вчера
обрончила жар-птица
два горячих пера.

Жароптицёвы перья
тихо в косы влету.
Жароптицёво перье
я в саду заведу.

На Урале – зарницы,
всюду – огненный труд.
Вылетают жар-птицы
из мартеновских труб.

Я боялась, что счастье
не заметит меня:
птицы мимо промчатся,
опереньем звеня.

Поселилась жар-птица
в тихом сердце моём,
мне светить и светиться
самым ясным огнём.

КРАНОВЩИЦЫ

Отчего люблю я эстакады,
кранов разведённые мосты,
сварки ослепительной разряды –
гроздами с небесной высоты?

А названы? «Грейферы» и «пратцы»,
как жаргон бывалых моряков,
девочки с походочкой моряцкой
в званы заводских крановщицков.

На земле гремит ночная смена,
а девочки, – краны как антенны, –
с космосом налаживают связь.

Там на вершуре эстакады
крановщицы сбвинули мосты,
грозовые к ним летят разряды
гроздами с небесной высоты.

«Поселилась жар-птица
в тихом сердце моём...»

Рабочее общежитие

Окраины старых кварталов.
Растут догвозызе мальвы,
под мальвами – рыхлая мята.
И в летние ночи, бывало,

за спиной заборюси гитары,
в квартале шли наши ребята.
Для нас, для рабочих девчонок,
чьи руки малы и шершавы,

ребята цветы обрывали,
а мы, улыбаясь спросонок,
воинственно и вельчаво
цветы от ребят принимали.

Цветы и колючая мята,
небранные чёки мальчишек –
в ладонях огнём полыхали...
Ах, тише, гитары, тише,

ещё озорные девчача
ребят не зовут женихами...
А мяту сминают в ладонях.
Рассвет, по-июльски прятный,
прядёт золотые нити.
А где-то в родительском доме
отцы и печальные мамы
ждут писем из общежития.

ЗАВОДСКИЕ ЖЕНЩИНЫ МОИ

Заводские женщины мои,
Катерины, Зои и Алёнушки!
Под высоким парусом любви,
будто в море белые судёнышки.

Чёрный вихрь над парусом пройдёт,
синяя волна над ним расколется,
море жизни дерзкий парус реёт,
мачта гнётся, гнётся, да не ломится.

Предсказать судьбу я не берусь:
далеко ли плыть до счастья, близко ли?
Знаю: в трюмах – драгоцennyй груз
красоты, терпения да истины.

Нет сильнее женской красоты,
нет надёжней женского терпения,
тем страшной в пучине суеты
женских судеб кораблекрушение...

На волне – обломки от любви,
красоты, терпения да истины...
Заводские женщины мои,
помогите мне долыть до пристани.

Синеглазый русский молодец,
Расплети мои тугие косы,
у меня была синеглаз отец,
матушка была русоволоса.

Буду ткать в твой дом половики,
под окошком лестова ромашки,
в тонких струях ключевой реки
полоскают любимого рубашки,

цепенеть от преданной любви,
по ночам поить горячий словом,
грозовые к ним летят разряды
звонкогорлых, будто соловьи.

Собирать на стол пшеничный хлеб,
ставить чаши молока и чая...
Синеглазый русский человек,
отчий край в тебе я вельчаво.

Как за речкою, за речкою
вещует соловей,
соловейка, птичка певчая,
тоску мою развей.

Одинокой, не влюблённой
хорошо одной луны.
Обещай, что мил-милёночек
воротится ко мне

по-над речкой целый вечер
слушать речи соловья,
охорашивать мне плечи,
ничего не говоря.

Закружи ему головушку,
соловушка шальной,
чтобы скоро мой милёночек
назвал меня женой.

Рыбачка

Ветер тронул камышину на бегу,
камышина обратилась в дуду.
Я – рыбачка, я сижу на берегу,
водяного под корягой стережу:

ты лежи себе спокойно, водяной,
ты лиловую волну не беспокояй.
Я сама бы да за жилам рыбаком
по волне бы убежала босиком,

пуще ветра бы за плечи обняла,
в камышовый бы домикшо привела,
но сижу вот у калёного костра,
огонёк держу до росного утра,

чтоб спала в реке лиловая волна,
чтобы рыбкой наша сеть была полна...

Счастье мое влюблённое,
горько-сладо-солёное,
горем озорошенное,
мукой припорошенное,

луковое, лукавое,
с травами и кулавами,
хмельное, игривое,
рванное, рванное,
верёвочкой витое,
пестом в ступе битое,
на огне испытанное,
а всё ненасытное.

За полночь падал ясный снег,
сверкал каток жемчужной квартала,
и женщина в счастливом полусне
на тоненьких конёчках танцевала.

Как будто снежный вихрь её кружил,
а может быть, она его смиряла.
И, словно всё выдавший старожил,
сметил прожектор с высоты портала.

Талант доброты и мудрости

Сегодня – день 80-летия поэта, прозаика,
журналиста Риммы Дышаленковой
(11.01.1942–9.07.2016)

Случая много лет об этой дружбе она
расскажет в серии очерков, посвящённых
100-летию Бориса Ручьёва.

В 1978 году в московском издательстве
«Современник» издан дебютный сборник
стихов Дышаленковой «Четыре окна»
(12+), посвящённый рабочему Уралу, а в
1979 году она была принята в Союз писа-
телей СССР.

Поэтическое творчество в те годы
Римма Андрияновна сочела с работой
тележурналиста. С 1973 по 1983 год была
промышленным редактором на Магнитогорском
телевидении, 1984 по 1986 год
– редактором телевещания в МГМИ (ныне
МГТУ имени Г. И. Носова).

В 1985 году вышел в свет сборник сти-
хов Дышаленковой «Уральская кадрили»
(12+), в 1989-м – детская книга «Чудесный
самолёт. Разговор с очень взрослым сы-
ном» (0+), в 1992-м – сборник «С высоты
земли» (12+).

В 1985–1986 годах Римма Дышаленкова
была депутатом Магнитогорского город-
ского совета, затем переехала в Челябинск,
где занималась просветительской работой
и вела передачи на телевидении, а с 1991
по 1994 год работала завлитом ГТОза.

В 1994 году по приглашению Анатолия
Старикова, в то время – генерального ди-
ректора ММК, вернулась в Магнитогорск.
Вступив в 1996 году в Союз писателей
России, в 1998-м стала сопредседателем
правления его Челябинского областного
отделения.

В 1990-е Дышаленкова всё больше уде-
ляет внимания истории религий и эзоте-
рических учений, а также их взаимосвязям с
современностью, интересуется Аркаимом,
пишет серию документальных очерков
«Время Александра Заплатина» (12+) о
селе Измайловском, близи которого на-
ходится уникальный археологический
комплекс, входит в оргкомитет таких
фольклорных праздников, как Бажовский
фестиваль (0+) и фестиваль «Огни Арка-
има» (0+).

В 2001 году издано 300-страничное
«Прощальное слово о знахаре» (12+) – свод
духовно-публицистических стихотворений
и рассказов, за который в ноябре 2004-го
на конференции уральских писателей в
Ханты-Мансийске Дышаленкова удостоена
литературной премии имени Д. Н. Мамина-
Сибиряка.

В 2006 году увидел свет сборник прозы
и стихов «Ангел времени» (12+).
В 2001 году Римма Андрияновна вошла
в редколлегия VI «Ручьёвских чтений». В
2003 году по её инициативе газета «Маг-
нитогорский металл» провела конкурс
читательских частушек («Пой, Магнитка,
веселись!»), по итогам которого был издан

Римма Дышаленкова

Это имя золотой вязью вписано в
летопись литературной Магнит-
ки. Заслуженный работник куль-
туры Российской Федерации, лау-
реат премии имени Д. Н. Мамина-
Сибиряка и обладатель почётно-
го знака «За заслуги перед городом
Магнитогорском», Римма Дыша-
ленкова была не только разносто-
ронне одарённым писателем, но и
яркой личностью.

Римма Андрияновна Дышаленкова
(в девичестве Черепанова) родилась 11
января 1942 года в селе Дуван в Башки-
рии. Родители погибли во время Великой
Отечественной войны, семь девочек
осиротели. После школы Римма отправи-
лась в Москву «учиться на артистку», но
поступить на актёрский факультет ей не
удалось. В 1961 году она вышла замуж, а
в 1962 году, окончив горно-керамический
техникум по специальности «технолог
силикатов», переехала в Магнитогорск,
30 сентября у неё родился сын Артур, бу-
дущий авиаинженер.

Первые стихотворения Риммы Дыша-
ленковой увидели свет в газете «Магни-
тогорский рабочий» в 1965 году. С начала
1960-х годов участвовала в работе город-
ского литобъединения. Дружила с поэтом
Борисом Ручьёвым, по его рекомендации
она поступила на заочное отделение лите-
ратурного института имени А. М. Горького.
По странному совпадению почти на всех
экзаменах по современной русской лите-
ратуре абитуриентке Дышаленковой по-
пались билеты по творчеству её земляка
и наставника. Изумлённым экзаменаторам
оставалось лишь разводиться руками, по-
вторяя: «Ну да, за вами же Ручьёв стоит».

линия слуга

Елена Пещинская